

Сергей Воробьев

Отдать якорь!

Морские рассказы и мифы

Морские истории и байки

Сергей Воробьев

Отдать якорь. Рассказы и мифы

«Горизонт»

2016

Воробьев С. П.

Отдать якорь. Рассказы и мифы / С. П. Воробьев — «Горизонт», 2016 — (Морские истории и байки)

Море – великая тайна, которую не могут постичь до конца ни учёные, ни философы, ни старые моряки. Море – это испытание для души человеческой. Не каждый решится уйти в плавание, оторвавшись от привычного берега, а тем более – посвятить жизнь болтанию в морских хлябях. Но кто хоть однажды соприкоснулся с внешней переменчивостью вездесущей воды, коей наполнено всё наше существование, тот обязательно проникнется сопричастностью к этой удивительной субстанции, соединяющей разбросанные по планете острова и материки, насыщающей энергией наше существование и придающей ему нескончаемое движение. Кто заглянул в океан, то заглянул в вечность. Но в книге море – лишь фон и соединяющая нить для представленных здесь сюжетов. Чаще это реальные события, происходившие в разное время и в разных местах нашей планеты. Реже – мифы, у которых есть своя реальная первооснова, со временем превратившаяся в устоявшуюся легенду. Данная книга представлена во втором дополненном издании.

© Воробьев С. П., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Вася из Сенегала	5
Боб & Кэти	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Воробьев

Отдать якорь. Рассказы и мифы

Вася из Сенегала

В 1974 году зашли мы в столицу Сенегала город Дакар. Это был пункт сбора армады научно-исследовательских судов, участвовавших в тот год в международном тропическом эксперименте под забытой уже многими аббревиатурой АТЭП.

Конечно же, я не буду вдаваться в подробности этого глобального эксперимента, поскольку он носил специфический, научный характер, и мы – экипаж белоснежного лайнера «Профессор Визе», хотя и были участниками того процесса, но более походили на сторонних наблюдателей, неведающих тонкостей всей интернациональной научной кухни. Единственное, что я знаю точно, – мы хотели поймать за хвост матушку-природу и вывести у неё некоторые тайны земного климата и его долговременных тенденций. Есть мнение, что зарождение воздушных стихий, влияющих на формирование климата, происходит именно в приэкваториальной зоне – в поясе тропической конвергенции (воздушно-теплового обмена океана с атмосферой). Именно в этом поясе мы и оказались и в течение четырёх месяцев выполняли свою программу научных изысканий.

Дакар был для нас местом ежемесячного сбора большинства судов, принимавших участие в эксперименте, – а было их не менее двух десятков. Стоянка рассчитывалась на четверо суток. Этого было вполне достаточно, чтобы отдохнуть, сверить данные научных изысканий (где теперь эти данные и кому они нужны?), пополнить запасы питьевой воды и продуктов.

Увольнялись мы на берег группами по три-четыре человека. Таковы были непреложные установки, спущенные нам с заоблачных номенклатурных верхов, которые блюли нравственность и честь советского человека, попавшего за границу. Считалось, что в группе, где назначался старший (как правило, партийный человек), меньше шансов совершить какое-нибудь аморальное или иное действие, порочащее облик человека новой социалистической формации. Наверное, в этом был свой резон.

Старшим нашей группы оказался Николай Иванович – старый опытный моторист, беспартийный и мой сосед по каюте. Его выбрали по возрасту и по исключительному доверию со стороны первого помощника. На судне не хватало партийных кадров, чтобы обеспечить всех увольняющихся.

Когда наша группа из трёх человек вошла в прокалённые солнцем кварталы Дакара, был уже полдень. Вокруг толкался оживлённый и говорливый африканский люд. Уже более получаса за нами следовал худой босоногий африканец, предлагая купить массивный, ярко блестящий на солнце перстень, который он постоянно протирал о цветастые шорты.

– Orum, orum, – всё время повторял он, – only two thousand and half. It is not expensive for pure gold¹.

С нашим неумолимым отказом эта сумма медленно падала и именно в полдень дошла до полутора тысяч франков. Мы остановились, что высветило надежду в глазах у обладателя перстня.

– Пить, – сказал вдруг член нашей группы Гена Желтяков, медленно ворочая сухим языком, – надо бы где-то добыть пивка, да желательного холодного. Жажда замучила.

Продавец перстня с изумлением открыл рот:

---

¹ Золото, золото. Всего две с половиной тысячи. Это недорого для чистого золота (англ.).

– Don't understand. How much you offer?²

В это самое время сидящий на тротуаре молодой сенегалец по-спортивному вскочил на ноги и подошёл к нам.

– Рад приветствовать советских людей на нашей гостеприимной земле, – чисто, по-русски произнёс он, скромно улыбаясь.

Мы растерялись.

– Откуда такое произношение? Вы что, жили в Союзе?

– Конечно, – охотно вступил в разговор сенегалец, – я учился в Ленинграде, в институте Лесгафта. Знаете?

– Как же не знать, – отозвались мы. – Сами из славного города на Неве.

– Земляки! – в восторге воскликнул ещё более обрадованный «земляк» из Сенегала. – Это надо отметить. Раздавим «мерзавца»³ на пятерых? А?

Он похлопал Николая Ивановича по плечу.

– Шучу, конечно! Кто-то здесь про пиво намекнул. Так это без проблем. Пошли, покажу отличные места.

И он повёл нас ускоряющимся шагом, постепенно перешедшим в лёгкий бег трусцой. Мы бежали гуськом вниз по утоптаным земляным улицам – в кварталы с убогими домиками, давно не знавшими ремонта и даже элементарного ухода.

– Здесь дешевле, – пояснял он, видя наше недоумение.

Наша небольшая группа еле попевала за ним. Особенно доставалось Николаю Ивановичу, человеку в годах и далеко не спортивному.

– На хрен мне ваше пиво, если через пятьдесят метров я получу инфаркт, – причитал он, постепенно снижая темп и явно отставая.

– Не бойсь, прорвёмся! – обнадеживал его наш ведущий, прибавляя шаг.

Временами форвард сбавлял темп, и мы сбивались в кучу. Тогда он на ходу рассказывал нам об этапах своей ленинградской биографии, когда он учился в Институте физической культуры имени Лес-гафта. Потом он бросался в сторону во внезапно возникший проулок и тащил нас, как иголка тянет нитку в прокол тугой ткани. Складывалось впечатление, что он ходил какими-то замысловатыми кругами, и мы, в конце концов, полностью потеряли ориентировку в пространстве и только слепо следовали нашему добровольному вожатому, уже искренне боясь потерять его, так как выйти из этого однообразного лабиринта улиц и плотно стоящих домов под тростниковыми крышами казалось совершенно невозможным. Худой долговязый сенегалец в цветастых шортах, не выдерживая темпа, тоже стал отставать от нас и в десяти метрах за нашими спинами, тяжело дыша в затылок Николаю Ивановичу, истошно орал, воздевая высоко над головой свой блестящий перстень:

– One thousand! Only one thousand for pure gold!⁴

– Не слушайте его, – пояснял на ходу «земляк», – здесь все врут. В Сенегале нет ни одного правдивого человека. Говорить правду я научился только у вас. И за это очень благодарен советским людям. Знаю я этих продавцов золота. Они у вашего же брата-моряка по дешёвке скупают бронзу, которая в Союзе почти ничего не стоит, а потом из неё льют всякие фигуры и украшения. Выдают, конечно, всё за благородный металл. Надрают свои штуковины до блеска и продают дуракам.

Наш добровольный гид владел русским почти безупречно. Даже Николая Ивановича шокировали некоторые обороты типа «раздавить мерзавца», «пивка для рывка» или «не бойсь

---

² Не понимаю. Сколько вы предлагаете? (англ.)

³ Мерзавцем» или «мерзавчиком» в те далёкие времена называли всегда быстро раскупаемую бутылку водки ёмкостью 250 граммов.

⁴ Одна тысяча. Только одна тысяча за чистое золото (англ.).

– прорвёмся», которые он к месту употреблял. А когда мы узнали, что он был свидетелем приведения аварийного ТУ-124⁵ на воды реки Невы, то прониклись к нему если не абсолютным доверием, то некоторым уважением как к очевидцу имевшей место героической истории. Этим он сильно подкупил нас. И мы немного отошли от неясных подозрений и не очень приятных впечатлений от захудалых, бедных кварталов столицы Сенегала, по которым мы кружили вот уже минут двадцать.

Наконец, мы углубились в грязный тенистый двор, где под сенью пыльной пальмы и окружавшего её высокого плетёного забора притулилась «забегаловка». Назвать это место баром или кафе значило не только погрешить против истины, но и обидеть европейского обывателя, привыкшего к определённым стандартам чистоты, дизайна и сервиса. В тёмной «забегаловке» толкался не менее тёмный народец – все как один повернули головы в нашу сторону, в лица присутствующих читался тупой, плотоядный интерес. Так смотрят на ритуальных животных, приготовленных к закланию.

За грязной, липкой стойкой бара, засиженной мухами, стоял здоровенный гориллоподобный бармен в серой от пота майке, подчёркивающей вздутую буграми мускулатуру.

Он стоял к нам боком, протирая похожим на его же майку полотенцем пивной бокал из волнистого стекла. Мы видели его мясистую в тугих складках шею, его небритую щетину и его напускное равнодушие к окружающей обстановке. Он делал какие-то внутренние жевательные усилия, от чего кожа на его лице вздувалась желваками, а уши методично перемещались в возвратно-поступательном движении. Бицепс его согнутой в локте правой руки был похож на туго накаченный футбольный мяч.

Когда наш вожатый из института Лесгафта обратился к нему с вопросом, он повернул своё лицо к нам, и мы увидели совершенно жуткое бельмо на левом глазу. Было такое впечатление, что именно это бельмо и смотрело на нас своей мутной с прожелтью шаровидностью, а правый, здоровый глаз, ничего не видел. Он перебрался несколькими фразами с нашим новым знакомым и медленно кивнул головой, опустив тяжёлое веко на правый глаз. Левый, похожий на лунный глобус, всё так же мертвенно «смотрел» на нас гипнотическим взглядом. Я ощутил в спине внутренний холодок, который пробежал по позвоночнику сверху вниз. (Уже потом, когда мы делились впечатлениями, все согласились, что чувствовали нечто похожее).

Это мой старый знакомый по спортивному клубу, – пояснил наш добровольный гид, – он бывший боксёр, который никогда не знал поражений. Посылал всех в нокаут в первом же раунде. Это очень не нравилось публике, и в одном из боёв кто-то метко выстрелил ему пулькой из пневматического пистолета прямо в глаз. Он так рассвирепел, что тут же коротким хуком уложил на ринг соперника, а следом и судью. За что его, собственно, и дисквалифицировали. Сейчас он нальёт нам пивка.

И он показал нам на ближайший столик, застеленный клеёнкой цвета давно не стиранного камуфляжного хаки.

– Если честно, то пить уже неохота, – поделился своими мыслями Гена Желтяков, наш старший электрик.

– И даже наоборот, – добавил Николай Иванович, – отлить не мешало бы.

– А нет ли тут более значных мест? – с сарказмом спросил я, – как у нас в Ленинграде.

– Как в Ленинграде, точно нет. Меня там часто угощали ваши земляки. Я это хорошо помню. И хочу отплатить тем же – хочу угостить вас. Сегодня я получил зарплату, – и он похлопал себя по заднему карману туго обтягивающих его поджарую фигуру джинсов. – Но, к сожалению, только очень крупными купюрами. У него, – и он указал на гориллоподобного бармена с бельмом на глазу, – даже сдачи нет. Поэтому я возьму у вас немного мелочи, а потом разменяю и всё отдам. Хорошо?

---

⁵ Первое в мире благополучное приведение пассажирского авиалайнера в августе 1963 года.

Он так завораживающе улыбнулся, что мы тут же согласились, но с единственным условием – в любом другом месте, только не в этом. Мы опять стали делать круги и петли по незнакомым кварталам Дакара. При заходе на очередной круг наш вожатый поведал нам, что после окончания института он приехал к себе в Сенегал и работал сначала массажистом в спортивном клубе, а потом тренером. Сейчас он главный тренер сборной команды по футболу.

– Зарплата каждый месяц, – с радостью сообщил он и опять похлопал по заднему карману своих штанов.

– Что-то я ничего не слышал про сборную Сенегала, – поделился своими мыслями заядлый болельщик Гена.

– Ещё услышишь, – развеял сомнения нашего электрика влекущий нас в неизвестность сенегалец, – готовлю команду к мировому чемпионату.

Судя по темпу нашего движения и резким изменениям его вектора, готовил он команду хорошо. И нам опять захотелось пить. Наконец, мы оказались в более приличном месте. Конечно же, если бы он привёл нас сюда сразу, то вряд ли мы согласились бы остаться и здесь. Но по сравнению с первой, новая «забегаловка» показалась немного чище и светлее. На столах был пластик, который, похоже, даже вытирали. А на витрине барной стойки красовалось несколько бутылок с бренди, виски и ещё чем-то очень импортным. Количество мух, правда, было примерно таким же, но бармен выглядел намного благообразнее. Единственно, что его портило, – постоянно бегающий жуликоватый взгляд, то и дело коротко останавливающийся на наших персонах. Но и это можно было понять: мы вторглись на территорию исключительно темнокожего царства, мы выделялись, как случайное белое пятно на кофейной скатерти Сенегала.

Наш знакомый переговорил с жуликоватым барменом и подошёл к столику, за которым мы с некоторой брезгливостью разместились.

– Всё в порядке, – возвестил он, потирая руки. – Что будем пить? Пиво – это само собой.

Он уселся за наш столик, выдрав из земляного пола соседний стул, глубоко ушедший в утрамбованную ногами посетителей почву.

– Во-первых, давайте познакомимся. Меня зовут Бхомбо Вазу. Мои друзья в Ленинграде звали меня Васей. А кликуха была у меня «бомбовоз» – Вася Бомбовоз.

– А почему Бомбовоз? – удивился Николай Иванович.

– Ну, Бхомбозу, Бхомбоз, Бомбовоз. Похоже? Но лучше зовите меня просто Васей.

– Русский ты выучил на «пять», – похвалил его Гена.

И Вася, тыча в тощую грудь кулаком, сразу продекламировал:

– Да будь я хоть негром преклонных годов и то, без унынья и лени...

Чтец сделал длинную паузу и вопросительно уставился на нас:

– Ну, – дальше... Маяковского проходили?

– Проходили, – признался старший нашей группы, – но про негров чего-то не помню.

– Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин, – закончил Вася и пальцем обвёл на своей курчавой голове большой овал, обозначающий «знаменитую» ленинскую лысину. Потом добродушно улыбнулся, обнажив два ряда крепких белых зубов:

– Это же классика!

– Вася, а сколько стоит здесь пиво? – неожиданно спросил Николай Иванович.

– Об этом можете не беспокоиться. Всё будет оплачено. Я только возьму у вас мелкие деньги, чтобы рассчитаться, а потом разменяю свои и отдам. Сколько у вас есть? Начнём с Николая Ивановича. Так, я понял, Вас зовут?

– У меня только крупная купюра – тысяча франков. Мелочи нет.

– Это ничего. Дело в том, что у меня ещё крупнее, – отозвался на это заявление Вася, – и у них тоже нет сдачи. Но с тысячи они дадут.

Николай Иванович вынул из брючного кармана свой кошелек, извлёк из неё бумажную купюру и положил на стол.

– Вот, – произнёс он, – других нет.

– Это хорошо, – весело отреагировал Вася. – Кто следующий?

Мы недоумённо переглянулись.

– А что, этого не хватит? – наивно спросил я.

– Вы меня не поняли, – стал объяснять Вася мягким гипнотическим голосом. – Я просто не хочу быть у вас в должниках и честно отдать свой долг. Можете внести любую, даже символическую сумму.

Это напоминало какую-то игру, правила которой нам не до конца известны. И у нас закрались подозрения. Но Вася широко улыбнулся и развеял их уже привычным для нас жестом – он всё так же похлопал по заднему карману своих штанов:

– Здесь мои гарантии. Вы сами потом в этом убедитесь. Не бойтесь, я получаю здесь большие деньги. А угостить своих «земляков» для меня большое удовольствие и честь. И знаете ещё, почему я это делаю?

Мы, конечно, не знали.

– Потому что так со мной поступали в вашем родном Ленинграде. И я никогда этого не забуду.

Мы выложили на стол монеты: одна оказалась достоинством в 25 франков, другая – в 50. Мелочь у нас, к счастью, оказалась. Вася собрал её со стола.

– Значит так – всем по пиву. А Николаю Ивановичу могу предложить ещё рюмку бренди. Нормалёк? Чувствую, что он не откажется.

Николай Иванович зарделся от заманчивого предложения и, скромно пожав плечами, сказал:

– Рюмку? Можно. Отчего ж?

Через пять минут на столе оказалось мутное пиво в плохо промытых стаканах и низкая стопка с желтоватым напитком, который Вася рекомендовал как «Наполеон».

– Наполеон тоже был маленького роста, как Вы, Николай Иванович, – комментировал Вася, – но при этом очень сильный и энергичный. Выпьете «Наполеон» – будете, как Наполеон. Гарантирую!

– А почему себе пива не взял? – проявил заботу Николай Иванович.

– Спорт и алкоголь несовместимы, – жизнерадостно отреагировал Вася.

– Тогда за спорт и дружбу! – подняв стопку с «Наполеоном», произнёс Николай Иванович.

Пиво было кислым и тёплым. Николай Иванович сидел разомлевший и довольный. Вокруг летали мелкие африканские мухи. Они безбоязненно садились на края наших стаканов и даже пытались спуститься по внутренней поверхности к содержимому и попробовать его на вкус.

– Удивительные животные, – стал рассуждать Николай Иванович, – ничего не боятся.

– Ты это про кого? – недоумённо спросил Гена.

– Про мух, конечно, про кого ж ещё? Смелее мухи, пожалуй, никого и не сыщешь. Ты по ней – хлоп кулачищем, а она, зараза, вжиг – и рядом села: начхать мне на тебя. Как будто и не убивали её только что. Играется она, видите ли... Очень проворное животное. Смелее и шустрее ничего на свете не видел. Если бы эти качества были присущи человеку, он бы горы свернул.

– Наверное, Наполеон как раз и был таким шустрым, как эта дакарская муха, – сделал я предположение.

– Но Кутузов же всё-таки прихлопнул его.

– Но не дохлопнул, – продолжил диалог Гена.

– Вот именно, – подмигивая мне, радостно согласился Николай Иванович, – поэтому не мешало бы повторить и уже окончательно и бесповоротно разделаться с этим бесцеремонным французом.

Дискуссию прервал Вася:

– Как пиво? – поинтересовался он.

– Сенегальское «Жигулёвское» недельного разлива, – подытожил Гена.

– Чем богаты, – развёл руками Вася Бомбовоз. – «Двойное золотое», как в Ленинграде, здесь не подадут.

– А я всегда «Мартовское» пью, – стал делиться воспоминаниями Николай Иванович. Придёшь с рейса и – на старый Невский в пивбар завода «Вена». Столик бутылками уставишь и тянешь себе помаленьку. Лучший для меня отдых.

– «Мартовское» здесь тоже не подают, – вернул всех на землю Ге-на, – пора отсюда выбираться. А то глядят здесь на нас, как на диковинных пришельцев. Смотри – все головы повернуты в нашу сторону, будто ждут от тебя песен с плясками. Где тут, кстати, у вас места общественного пользования?

– Какие места? – не понял Вася.

– Ну, туалет!

– Туалет? – засмеялся Вася. – Здесь везде туалет. Где стоишь, там и туалет. Особенно, если ты на улице. У нас всё намного проще. Весь Сенегал – это сплошное место общественного пользования. Исключение, быть может, центр Дакара. Там почти европейские кварталы. Там нельзя. Штраф три тысячи франков.

– Ого-го! Дороже золотого перстня.

– Здесь бесплатно. Пойдём вместе, я покажу, как это делается у нас. Не бойсь, я угощаю. Вася с Геной вышли из забегаловки, а я поделился своими подозрениями:

– Не нравится мне всё это. Чувствуется какой-то подвох. Мне кажется, «сделает он ноги» и будет таков.

– Это ты зря, – возразил Николай Иванович, – хороший же парень, свой в доску. А если и начнёт убегать, мы его за шкирник и в полицию.

– Наивный ты человек, Николай Иванович! Он здесь, как рыба в воде, а ты, как жук в дерьме. Если он захочет, то обставит нас в два счёта. Оглянуться не успеешь. Да ещё на посмешище выставит. Помяни мои слова. Дай Бог, конечно, если этот прохвост окажется порядочным человеком. Но мне чего-то в это не верится. Никаких денег у него в заднем кармане нет. Сам приглядиись.

– Так он же говорит, крупная купюра. Много ль ей места надо.

В это время появились Вася с Геной.

– Ну, вот! А ты говорил, прохвост, – обрадовался Николай Иванович. – Если бы захотел, сейчас бы и сбежал. Когда ж ещё? А он – вот он! Как на ладони. Прекрасной души человек. «Наполеоном» меня попотчевал. Но повтора, я чувствую, не будет.

– Не забудь, за твои же деньги потчевал.

– Ну, это ты брось. Отдаст. Куда он денется.

Но я всё равно чувствовал подвох. Мозжечком чувствовал. Пьеса разыграна явно не нами. Мы, безмолвные статисты, просто попались на крючок случайному (случайному ли?) режиссёру. И я понимал, что уже не в нашей власти изменить ход задуманной пьесы. Невольные пленники случая, мы шли на закланье ради вполне определенной идеи, родившейся в голове свободного художника – Васи Бомбовоза из Сенегала. Я уже был почти уверен, что он нас разыграет и под занавес оставит в немой сцене, без суфлёра, без текста, на произвол будущему и без шансов отыграться. Такие вещи частенько происходили и происходят в истории, когда не то что отдельные индивиды – целые народы, увлечённые дешёвыми посулами, скатывались к пропасти, и лишь в последние мгновения некто Всесильный придерживал неумоли-

мый скат, останавливал бег и давал возможность оглянуться назад и посмотреть вперёд, чтобы бурлящий люд смог ужаснуться и прозреть. Но надолго ли?

– Всё, ребята, – сказал подошедший к столику Вася, – если заказывать больше не будем, пойдём менять деньги. Кому я сколько должен? Проверим. Николаю Ивановичу тысячу. Так?

– Так, – с удовлетворением произнёс Николай Иванович.

– Тебе я должен пятьдесят, – Вася вытянул указательный палец в мою сторону. – А тебе – двадцать пять.

Гена подтвердил. Он был в хорошем расположении духа и всё удивлялся, как это просто, когда поблизости нет туалета. Мы привыкли, что должен быть туалет и всегда его ищем. А когда его нет и в помине, все поиски исключаются, и туалет сам находит тебя на том месте, где приспичило.

– Это гениально, – заключил он. – Цивилизация привносит только ненужные хлопоты. Надо быть ближе к природе. Тогда легче живётся, легче дышится и легче делается всё остальное. Рано или поздно, мы к этому тоже придём.

– Я представляю, во что превратится тогда город Ленина, – заметил я Гене.

– Но здесь-то всё нормально...

– Здесь открытые почвы. Всё дренажирует, фильтруется и иссушивается солнцем. Не забывай, что здесь Африка.

Вася Бомбовоз как раз и напомнил об этом. Он стал выплясывать ритуальный танец местного племени. Во всяком случае, нам так показалось. Танец отдалённо напоминал румбу. Вася на полусогнутых прошёлся между столиками под дружные хлопки присутствующих, сделал несколько оборотов вокруг собственной оси и застыл в позе бога Шивы. Все сразу засвистели и зааплодировали. Потом Вася подошёл к бармену и что-то ему долго внушал, отчего бегающие глаза бармена забегали ещё быстрее. Повернувшись к нам, Вася махнул рукой:

– Пошли! Сеанс окончен.

– Юморной парень, да? – спросил Николай Иванович.

– Очень, – ответил я. – Весь юмор у тебя ещё впереди.

– А я верю людям, – откровенно признался Николай Иванович, – несмотря на цвет кожи или расовую принадлежность. Я даже евреям верю.

– Вот это ты правильно делаешь, – без тени иронии заметил Гена.

Выйдя на палимую солнцем улицу, Вася опять обратился к нам:

– Значит так: тебе тысячу, тебе двадцать пять, тебе пятьдесят. Правильно?

– Абсолютно, – отметил я.

– Тогда вперёд. Здесь за углом будет магазин, я разменяю свои деньги.

И он опять похлопал себя по заднему карману. Мол, здесь они, мои трудовые миллионы, полученные за героический труд тренера сборной Сенегала по футболу. За углом Вася зашёл в дом, который даже близко не напоминал магазин. Из него вышла многодетная астеничная семья и сразу же уставилась на нас голодными глазами. Такого взгляда мы не могли долго выдержать, подались в сторону – отошли примерно на дистанцию пенальти – и стали ждать.

– Хрена мы его дождёмся, – высказал я своё, отнюдь не новое соображение, – он сейчас через чёрный ход, задними дворами бежит навстречу своей сборной. И нам будет его уже не догнать.

– Зря ты так, – спокойно и уверенно отреагировал на это Николай Иванович, находящийся ещё под действием наполеоновского вторжения, – я ему верю, как себе.

– Ну, если ты ему так веришь, то стой тут и жди один.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Гена.

– Я, как старший группы, не могу вас отпустить. Будем ждать! Я что, тыщу ему просто так отдал, что ли?

– Почему просто так? Бренди, пиво – они денег стоят.

– Но не таких же. Я на эти деньги дома месяц бы пьянствовал.

– Так то ж дома, – стал подыгрывать мне Гена, – а здесь африканские наценки плюс местная экзотика. Никуда не денешься.

К моему великому изумлению из дома, в котором, как мне казалось, навсегда канули все надежды, вышел наш должник и направился прямо к нам.

– Ну, во! Что я вам говорил? – с воодушевлением воскликнул Николай Иванович и вынул свой кошелёк, чтобы положить причитающуюся ему купюру.

– Не меняют, гады, – с досадой произнёс тренер сборной Сенегала Вася.. – Десять минут уговаривал – нет и всё. Придётся идти в другой магазин.

Мы стали «нарезать» новые круги по пригородам Дакара и, наконец, вышли на довольно просторную улицу, где на возвышении стояла хижина, обложенная гофрированным железом. На её дощатой стене красовалась фанерная вывеска:

KAFFE TAO-TAO

– Это то, что нам нужно, – с уверенностью сказал Вася. Ждите тут, я – мигом. Значит, тебе – тысяча, тебе – пятьдесят и тебе – двадцать пять. Правильно?

На этот раз мы молчали. Лишь Николай Иванович коротко кивнул головой.

– Вот видите, я всё запомнил. И делаю я это исключительно из чувства глубокой признательности ко всему вашему народу. Угости друга – приобретёшь двух. Сегодня я угостил троих. Значит, будет у меня много друзей. А главное – останутся приятные воспоминания. По этому случаю предлагаю сфотографироваться. Я вижу, у вас есть фотоаппарат, – и он указал на мой старенький «ФЭД».

Вася Бомбовоз тут же создал композицию: встал посередине, обхватил руками своих новых друзей Гену и Николая Ивановича, изобразил на лице широченную улыбку и кивнул головой, мол – снимай. Потом нас снимал Гена. Потом Вася ещё раз широко и приветливо улыбнулся и вприпрыжку побежал на взгорок менять свою крупную купюру, которая якобы лежала в его заднем кармане. Через минуту он скрылся в чёрной дыре распахнутой двери этого экзотического кафе.

Прошло пять, десять минут – Вася не появлялся. Из дверного проёма, зияющего абсолютной чернотой, стали появляться чёрные люди. Они выходили по одному с непредсказуемой периодичностью и в итоге составили внушительную компанию. Среди них выделялся малорослый пузан в красной расстёгнутой рубахе. Он что-то активно говорил собравшимся, поворачивая своё увесистое пузо то в профиль, то в фас, и изредка показывал пальцем в нашу сторону. Но эти жесты были лишними, все и так сосредоточенно смотрели именно на нас.

– Редкое явление в этих краях, – заметил я, – пузатый негр.

– Здесь что-то не то, – высказал своё мнение Гена. Ты как старший группы, Николай Иванович, должен сказать своё слово и принять решение: будем мы тут стоять и ждать твоего любимца или тихо ретируемся, пока нам не набили морду чёрные ангелы мщениа.

Потому как всё уже оплачено за наш счёт. А быть главным действующим лицом кульминационной сцены мне чего-то не хочется.

– Похоже, здесь вся сборная Сенегала, – заметил я. – Только тренера чего-то не видно.

Николай Иванович сделал умное лицо и с категоричностью достойной Наполеона произнёс:

– Будем ждать!

– По-моему, ждать осталось недолго, – предположил Гена, – смотри, как активно машет рукой тот пузан. Уверен, он выпил не менее четырёх кружек пива. Они сейчас все спустятся с горки и отомстят за Васю Бомбовоза. Сдаётся мне, сказал он про нас что-то нехорошее.

– Тогда надо звать полицию, – сняв с себя наполеоновский флер, высказался Николай Иванович. Но каков Вася! Я ему так верил!

– Блажен, кто верует. Предлагаю больше никого не ждать, а медленно развернуться в каре и с достоинством удалиться. Полиции тут за десять вёрст не сыщешь. И хорошо ещё, если нас не начнут преследовать. Загонят в угол, точно. Мы же здесь, как в мышеловке. Куда идти? Куда бежать? Помощи от местного населения не дождёшься. Сюда, видимо, не принято заходить белым людям.

Мы так и сделали. Шум погони за нашими спинами пока не прослушивался. Отступление с занятых позиций тактически оказалось очень своевременным. Ещё минут пять, и знакомство с пузатым негром и его сообщниками из сборной Сенегала стало бы исторической неизбежностью.

– Если мы благополучно вернёмся на пароход, – предположил я, – предлагаю компенсировать Николаю Ивановичу потерянную сумму. Скинемся по триста франков, чтобы не было ему так обидно.

Гена тут же согласился. А пострадавший, которому частично возмещалась, казалось бы, навсегда утерянная сумма, корректно промолчал.

Самое неприятное в нашей ситуации было то, что мы не знали, куда идти. Улицы шли, произвольно поворачивая то влево, то вправо, то раздваиваясь, а иногда даже расходясь по трём разным направлениям. В таких случаях мы выбирали ту улицу, на которую указывал Николай Иванович, полагаясь на его предводительский дар. При таком непредсказуемом и хаотичном передвижении по неизвестным нам чёрным кварталам Дакара, вероятность прихода в отправную точку, где располагалось кафе «Тао-Тао», не исключалась.

Если люди в лесу, где свобода передвижения почти ничем не ограничена, ходят кругами, то в незнакомом городе замкнуть круг – обычное дело. И мы его замкнули. Опять на взгорке мы увидели уже известное нам кафе с зияющей чёрной дырой открытой двери. Правда, пузана с командой не было.

– Не зайти ли нам выпить по чашечке чёрного кофе? – предложил я, стараясь не выдавать своего сарказма.

– Слишком заманчивое предложение, чтобы на него согласиться, – не без юмора заметил Гена.

Николай Иванович помолчал, подумал и, наконец, сказал:

– Надо идти на пароход.

– Ну, вот тебе раз, – продолжил Гена в том же тоне, – ещё разгуляться не успели и уже на пароход.

– Теперь пойдём в обратном направлении, – добавил к сказанному Николай Иванович.

– Мысль, достойная великого полководца. Он хочет взять реванш за Ватерлоо – подойти к исходной точке с другой стороны и застать неприятеля врасплох.

– А может быть, ещё по пивку? – указал я в сторону злополучного кафе, в котором навсегда скрылся наш провожатый. Пошлём туда Николая Ивановича на разведку. Если всё нормально, он даст нам отмашку рукой. Возможно, Вася Бомбовоз сидит там и ждёт нас, чтобы отдать долги и ещё раз угостить пивом, а нашего предводителя ещё и стаканчиком «Наполеона».

– А если в кафе пузан со своей челядью? – всерьёз принял моё предложение Николай Иванович.

– Ну, у тебя социальные накопления не меньше. Два раунда, надеемся, ты продержишься. А там, смотришь, и мы подоспеем.

Николай Иванович посмотрел на меня с обидой, но тут же подобрел и сказал:

– Теперь буду умнее.

– Умнее Васи Бомбовоза всё равно не будешь

– По такому случаю предлагаю сходить в туалет, – вдруг заявил Гена.

И мы все, как стояли, повернувшись лицом к кафе «Тао-Тао», сходили в туалет. На окружающих это не произвело никакого впечатления. Здесь, в случае надобности, так делали все. Но самое удивительное, что тут же, как из-под земли, вылез продавец сомнительного перстня.

– Five hundred, – вяло промямлил он, – pure gold.

– Откуда он опять взялся, – удивился Николай Иванович, – и чего хочет этот шайтан?

– Пятьсот франков хочет за свой паршивый перстень. Начинал, кажется, с полутора тысяч. Ещё немного, и, мне кажется, он отдаст его бесплатно.

– У меня идея, – подняв вверх указательный палец, провозгласил Гена, – скажи этому проходимцу, что деньги у нас на пароходе. Он-то знает дорогу в порт. Пусть ведёт.

Я так и сказал:

– We have money, but it is on the vessel. If you want, come together.

Расчёт оказался верным. Продавец бодро повёл нас в известном ему направлении. Теперь уже мы еле поспевали за ним. Он то и дело оборачивался и, приговаривая, что пятьсот франков – это хорошая цена за настоящее золото, зазывно махал нам рукой, чтобы мы не отставали.

– Чао, кафе «Чао-Чао», – громко декламировал Гена, – теперь никогда не увижу тебя!

Последнюю фразу он почти пропел трагическим тенором.

Путь оказался не таким уж и длинным. Продавец уверенно вывел нас к цивильным кварталам Дакара, откуда мы и начинали своё маленькое и неудачное путешествие. Теперь мы и сами добрались бы до нашего судна, но соблазненный предстоящей сделкой продавец перстня таскал нас туда, где у нас якобы лежали деньги.

– You are from Russian ship, – говорил наш ведущий, – I know. I like Russia. Your country is strong. Not so rich, but very strong. More stronger, than America.

– Откуда этот шибздик так хорошо аглицкий знает? – поинтересовался Николай Иванович, – чешет, как по-писаному.

– От верблюда, – коротко ответил Гена.

– В это верю. А я вот от человека не мог научиться. В школе семь лет втемяшивали, а кроме «ду ю ду» ничего не знаю. Способностей у меня нет, что ли?

– Каков учитель, таков и результат. А с другой стороны, это даже к лучшему. Знал бы ты чужой язык в совершенстве, могли бы и визу не дать. Сам знаешь, как у нас на это смотрят – появляется возможность к нежелательному общению. Поэтому я в личной анкете на всякий случай выбрал графу «Читаю и перевожу со словарём».

– Ну, так и переведи нам, что он там лопочет.

– Говорит, что знает, кто мы. И чистым сердцем любит русских людей. И знаешь за что? За то, что мы сильные. Наша страна, мол, не такая богатая, но очень сильная. Сильнее, чем Америка.

– Уверен, – задумчиво проговорил Гена, – если завтра Америка станет сильнее, он будет точно так же любить американцев.

Мы вышли к тому месту, где впервые повстречали Васю Бомбовоза и оторопели: именно там, в пыли запруженной людьми улицы сидел наш Вася. Он сидел, как ни в чём не бывало, вытянув левую ногу вперёд, а правую, согнутую в колене, обхватил двумя руками. На его лице блуждала отстранённая улыбка, как будто он накурился гашиша. Николай Иванович подошёл к нему вплотную, упёр руки в бока и уставился на него долгим немигающим взглядом. Но это не произвело на Васю ни малейшего впечатления. Взор его так же блуждал по невидимым простому смертному весям.

– Вася, это ты!?! – хриплым взволнованным голосом почти прокричал Николай Иванович. Верни мне тыщу франков, сволочь!

Вася с трудом сфокусировал глаза на стоящем перед ним крикуне и ещё шире улыбнулся.

– Ты видишь? Он издевается надо мной. Я сейчас набью ему морду!

– А может быть, это не Вася, – сделал предположение Гена.

– Ну, как же не Вася! И джинсы те же, и рубаха, и мордуленция наглая.

– Свой в доску, – добавил я.

– Да они здесь все на одно лицо, – стал уговаривать Гена.

Николай Иванович стал приглядываться.

– Вася, подлец, ну скажи хоть слово! Или ты хочешь, чтобы я тебе харю начистил за твои проделки?

Вася даже глазом не моргнул.

– Или притворяется, или действительно не он.

Гена стал отводить Николая Ивановича в сторону.

– Не он, уверяю тебя. Но похож. Может быть, даже его родственник. Но не Вася. Сам видишь, не реагирует он на тебя. Конечно, если разыгрывает, то комар носа не подточит. Пойдём на пароход. Так спокойней будет. Всё равно здесь ничего не добьёшься. Компенсируем мы тебе потерю. Пусть это на его совести будет.

– Да какая у них, у басурманов, совесть!

– А ты так ему верил, – напомнил я.

Нас прервал продавец перстня:

– Problems? – спросил он.

– Soviet people don't have problems, because we have an idea and we believe it⁶.

– O! It is fine! Go to the ship⁷.

Мы цепочкой стали выбираться из сутолоки торговых рядов. Впереди, как и прежде, шёл продавец перстня, за ним Николай Иванович. Мы с Геней замыкали цепочку. Мне почему-то захотелось оглянуться и, сделав резкий поворот головой, я увидел истинное лицо Васи Бомбовоза. Без всякого сомнения, это был бывший студент института Лесгафта. Ублюдочно закатив глаза к небу и раззявив в плачущей гримасе рот, он упёр большой палец в свой маленький, прижатый к лицу нос, и ладонью изображал летящую бабочку. Так он провожал своих «земляков». И я был уверен, что и этому жесту он научился у нас в Ленинграде. Об этом, конечно, я никому тогда не сказал.

Мы, наконец-то, добрались до нашего белого парохода и, поблагодарив продавца перстня за безупречный эскорт, стали подниматься по трапу.

– I wait you hear. Price is fix.⁸

– Что он говорит? – переспросил Николай Иванович.

– Говорит, что будет ждать нас здесь до посинения, пока мы не купим у него перстень по установленной цене.

– Хрен ему. Пусть ждёт теперь до отхода. А мы ему помашем ручкой.

Когда стемнело и по бортам включили внешнюю иллюминацию, мы с Геней вышли на палубу подышать свежим вечерним воздухом и полюбоваться издали огнями Дакара. Продавец перстня всё так же стоял недалеко от трапа и, запрокинув голову вверх, с открытым ртом смотрел на стоящий перед ним научный лайнер. Заприметив нас, он стал подпрыгивать и махать руками, чтобы привлечь наше внимание. Видимо, догадавшись, что мы отказываемся покупать его перстень даже по заниженной цене, сенегалец, сложив ладошки рупором, прокричал:

– Only for you! Three hundred.⁹

– Представляешь? Начинал, кажется, с двух с половиной тысяч, – с удивлением заметил Гена, – может быть, в конце концов, он нам отдаст его бесплатно.

---

⁶ У советских людей не бывает проблем, потому что у нас есть идея, и мы верим в неё.

⁷ О! Это замечательно! Пойдём на корабль.

⁸ Я жду вас здесь. Цена остаётся прежней.

⁹ Только для вас! Триста.

Продавец энергично потёр о цветастые шорты свой перстень и выставил его на вытянутой вверх руке для обозрения. Под лучами забортных прожекторов перстень действительно горел, как золотой.

– Three hundred – it is very chip!¹⁰ – кричал снизу продавец.

– Пойду, дам ему сто франков, – решил я вслух, – всё-таки он вывел нас из лабиринтов дакарской окраины. Поди знай, возможно, мы до сих пор блуждали бы там под водительством Николая Ивановича.

– Может быть, ты и прав, – согласился Гена.

Я спустился по трапу и протянул нашему сенегальцу потрёпанную купюру в сто западно-африканских франков. Сенегалец отшатнулся от неё:

– It is not good! My thing is much more expensive.¹¹

– I give you only this money. More I haven't, – сказал я, – and I don't need your thing.¹²

По-видимому, наш сенегалец понял, что он не получит и этих ста франков, хотя я отдавал их бескорыстно.

– O'key! – вдруг согласился он, – only for you.¹³

Он быстро забрал у меня деньги и вручил мне массивный перстень, на котором была выгиснена не то муха, не то оса, обнимающая своими крыльями нижний обруч изделия. Этого я не ожидал и хотел, было, вернуть перстень, но сенегалец вдруг заговорил на непонятном мне наречии и стал отмахиваться руками, мол: всё-всё – сделка состоялась.

В каюте я застал Николая Ивановича. Он готовился к вечерней вахте и переодевался в робу.

– Ну, что, Николай Иванович? Не зря ты, видимо, ходил в увольнение и тратил большие деньги на выпивку. Зряшных трат не бывает. Считай, что вернулись к тебе твои денежки...

– Никак Вася объявился?!

Я протянул моему соседу под самый нос перстень с мухой:

– Твой! Носи на здоровье. Это тебе компенсация за увольнение.

– Не может быть! – воскликнул Николай Иванович. – Тот перстень?

– Он! За две с половиной тысячи. Устраивает?

Николай Иванович надел на безымянный палец перстень, повертел им в воздухе и спросил:

– А что это за басурманская муха тут выдавлена? Может быть, для русского человека знак нехороший?

– Не хочешь, не носи.

– Ладно, доедем до Ленинграда, отдам его на проверку. Ежели золотом окажется, переплаваю его себе на зубы.

– Золото-то вряд ли за такую цену. Он мне за сотню его отдал, хотя я и не просил. Так уж получилось.

В Ленинграде, куда мы пришли после четырёхмесячного плавания по экваториальным водам Атлантики в рамках международной программы АТЭП-74, Николай Иванович пошёл в ювелирную лавку, и там ему сказали, что его сенегальский сувенир весит 34 грамма и сделан из золота 585-ой пробы.

В следующем рейсе Николай Иванович красовался новыми вставными зубами. Они блестяли не хуже того перстня, который всучили нам в Сенегале.

---

¹⁰ Триста – это очень дешево

¹¹ Это не хорошо! Моя вещь стоит гораздо дороже.

¹² Я даю только эту сумму. Больше у меня нет. И мне не нужна ваша вещь.

¹³ Хорошо! Только для Вас.

Я смотрю на давнюю фотографию: между мною и Николаем Ивановичем стоит улыбающийся негр. Он по-дружески обхватил нас за плечи и честными глазами уставился в объектив моего старенького «ФЭДа». Когда меня спрашивают, что это за симпатяга, похожий на американского актёра Эдди Мэрфи, я всегда отвечаю, что это наш «земляк» – Вася из Сенегала, окончивший институт имени Лесгафта, прекрасной души человек и свой в доску. Можно сказать, что благодаря этому Васе, человек, стоящий рядом с ним, осенью 1974 года вставил себе золотые зубы.

Боб & Кэтти

В начале семидесятых частенько заходили мы в Абердин – шотландский порт на берегу Северного моря. После месяца шатаний по зыбучим водам Атлантики город этот давал нам недолгий приют, где можно было посидеть в припортовом пабе с большой тиснёной кружкой «Гиннеса», эля или тёмного пива «Спешл». А потом походить по магазинам, отоварить свои небольшие деньги, купив себе или своим близким какую-нибудь заграничную вещицу.

Эта, на первый взгляд, незначительная история в упомянутом мной городе, которую я хочу здесь поведать, вряд ли произошла бы, окажись в нашем экипаже первый помощник капитана, он же – помполит. Должность помполита входила в штатные расписания всех советских судов с визированными командами численностью двадцать и более человек. Наш небольшой научный пароход, бывший рыболовный траулер водоизмещением всего-то 450 тонн, слава Богу, не входил в эту категорию, и мы были избавлены от докучливой политической опеки, из-за которой каждый твой шаг оценивался с точки зрения морального кодекса строителя коммунизма. Обязанности помполита нёс парторг нашего судна – старший гидролог Никанорыч, но он слыл своим человеком – сора из избы не выносил.

Боб, зачисленный в штат нашего судна вторым коком, совершал свой первый в жизни рейс. Ещё до захода в Абердин он показал себя с лучшей стороны – быстро привык к качке, готовил при любом крене, причём, готовил добротнo и вкусно, всегда вовремя подавал на столы и даже в штормовую погоду умудрялся варить первые блюда. А это не всегда под силу и опытным поварам. Для этого нужно отмерить строго определённое количество воды, зафиксировать кастрюлю на плите специальными бортиками и вовремя прижимать крышку, когда судно резко подкидывало на волне. Иначе супец в один момент может выплеснуться на палубу или, того хуже, ошпарить стряпающего.

Боб оказался самым молодым членом экипажа. Перед рейсом он получил повестку в военкомат, но неожиданный выход в море временно спас его от неминуемой службы. Его предстоящий рейс был всего-навсего трёхмесячной отсрочкой. Он прекрасно понимал, что отсрочка эта – подарок судьбы, возможность посмотреть мир. А мир, как говаривал наш парторг Никанорыч, – это открытая книга, пролистать которую дано не каждому. И Боб переворачивал только первую её страницу.

Все отметили в нём человека лёгкого, я бы даже сказал, весёлого нрава. В руках у нашего нового кока всё спорилось. Камбуз освоил быстро. Уголь для топки плиты с картошкой не путал. Технологию приготовления блюд знал назубок. Не зря с отличием закончил поварское отделение ШМО¹⁴. Был он худощав, но скроен ладно. Рост имел средний. Голова ровная, коротко подстриженная, глаза несколько округлой формы и в то же время ироничные, нос прямой, не выделяющийся, губы пухлые и над ними – чёрные, редкие кадетские усики.

В экипаже его приняли, а старпом по-отечески благоволил к нему: часто хвалил за вкусную еду, подбадривал в трудных ситуациях, любил поговорить с ним «за жизнь». Старпом был уже в годах. По отношению к молодым членам экипажа нередко обращался «сынок», а к Бобу так и подавно.

– Сынок, – говаривал он, придя на обед, – чего ты нам сварганил сегодня?

– Суп «рататуй» и макароньки по-скотски, – отвечал Боб гормональным баритоном, – а на третье, как всегда, компот из сухофруктов с бромом.

Боб быстро перенял морские фразеологизмы и к месту ими пользовался.

– Палец в рот ему не клади, – радовался старпом, – первый раз в море, а будто сто лет уже «мариманит». Молодец!

---

¹⁴ Школа морского обучения

Боб жил в самой привилегированной каюте рядового состава – каюте мотористов. Она располагалась в кормовой части под главной надстройкой, где меньше всего качало, – своего рода эпицентр относительной стабильности, вокруг которого происходили мотания в пространстве всех других частей нашего валкового судна. Эта четырёхместная каюта в условиях очень ограниченного судового пространства считалась роскошью, поскольку даже некоторые представители из научного отряда жили в носовом шестиместном кубрике. Роскошь состояла ещё и в том, что до места работы – рукой подать. С горшка на работу, как любил говаривать наш «дед».

Единственным недостатком являлась повышенная шумность. Шумность исходила от машинного отделения, находящегося сразу за железной переборкой, где постоянно крутились на полных оборотах два дизеля: главный, приводящий в движение гребной винт, и вспомогательный – для динамо. Один из двухъярусных коечных блоков мотористов как раз прилегал к машинному отделению. А тонкая металлическая перегородка, разделявшая эти смежные помещения, представляла своего рода мембрану, усиливающую грохот дизелей. Спать рядом с этой перегородкой равносильно тому, как если бы по ней, как по наковальне, постоянно и одновременно стучали кувалдой и молотком. Кувалда – это главный двигатель, молоток – вспомогательный. Мне и Бобу (ему уступили место, считавшееся «привилегией» первого рейса) как раз и довелось коротать часы ночного отдыха рядом с этой наковальней. Времена относительного спокойствия наступали лишь в периоды заходов в порты. Тогда отключалась кувалда, и оставался только молоток.

Со временем мы, конечно, привыкли к этой стукотне. А лично я привык настолько, что первые дни на берегу в тишине просто не мог заснуть, и непродолжительный сон накатывал только тогда, когда под окнами проходил тяжёлый МАЗ¹⁵.

В столицу графства Эбердин мы вошли на полной воде. По-другому в порт войти невозможно, поскольку приливно-отливная зона в тех местах достигает нескольких метров. В дельте реки Ди были устроены специальные доки, отделённые от Северного моря шлюзами, по верхней кромке которых проходили арочные переходные мосты. Наш пароход встал в большом закрытом доке, отделанном по краям серо-синим гранитом.

В город пошли втроём: старпом, Боб и я. Принципа группового увольнения на берег, несмотря на все наши вольности, капитан отменить не мог. Послаблением было только одно – группы подбирались сами, кто с кем хотел, а не принудительно, как требовала партийная инструкция, что для тех времён считалось большой вольностью.

Первым делом мы зашли в портовую таверну «Нью Инн». Там за столиками уже сидела половина нашего экипажа, потягивая из высоких стеклянных кружек эль или ирландский «Гиннес».

У молодой улыбчивой официантки, подошедшей к нам без заминок, мы тоже заказали «Гиннес».

Через пять минут на специальных картонных кружочках появились три кружки из толстого стекла с очень тёмным содержимым. Жареный ячмень, из которого готовят это пиво, делает его почти чёрным, а обязательная густая шапка желтовато-бурой пены создаёт очень respectable контраст с основным продуктом потребления. Тёмный тягучий напиток можно было и пить, и есть одновременно, настолько он был густым и насыщенным.

– Да-а, такого пивка у нас не попьёшь, – слизывая с пухлых славянских губ сугубо шотландскую пену, проговорил довольный и улыбающийся Боб.

– Пиво отменное, – подтвердил я, – но зато у них космических кораблей нет.

– И воблы, – добавил старпом.

---

¹⁵ МАЗ – тяжёлый пятитонный грузовик Московского Автомобильного завода с очень шумным выхлопом.

– Это точно, – подтвердили с соседнего столика. – А я всё думаю, чего не хватает? – Воблы!

– Воблу будешь дома есть с «Жигулёвским», – наставительно заметил старпом, – а здесь жуй солёный арахис с «Гиннесом». Как, сынок, – повернулся он к Бобу, – нравится здешняя капиталистическая жизнь?

– Скучно здесь, по-моему, – отозвался Боб, – как-то всё очень размеренно, морду уж точно никто не набьёт.

– Это точно, – прозвучал тот же голос из параллельной компании, – и девки у них никакие – тонкие да мелкие. Не женился бы ни на одной. Вот только «Гиннес» у них и хорош, а остальное так – лабуда.

После таверны мы направились в город. Боб и я решили расширить свой гардероб – купить себе если не шотландскую юбку, которую здесь называют «килт», то хотя бы приличные штаны из синтетической ткани и свитер из местной овцы. Мы остановились у витрины небольшого магазина, в которой были вывешены, наверное, все продаваемые вещи. К каждой вещи прицеплен ценник с ценами в гинеях. Мы долго не могли перевести их на фунты, пока за спиной не услышали голос:

– Гиней есть немножко дороже фунта, но здесь можно торговаться.

Мы повернулись и увидели девушку совсем небольшого роста, с приятным и в то же время совершенно обыкновенным лицом. Короткие волосы, гладко расчёсанные на две половины, только-только прикрывали уши. На ней было застёгнутое на все пуговицы коротенькое пальтишко тёмно-серого, почти чёрного цвета. Её миндалевидные глаза, по-детски удивленные, внимательно разглядывали нашего молодого кока.

– Сынок, к тебе обращаются, – подсказал старпом.

– А Вы кто? – неожиданно спросил Боб.

– Я Кэтти, – ответила девушка, – живу в этом городе, русский учу давно. Вы из России? Моряки? Я вам могу чем-то помочь?

– Катя?! – удивился Боб, – да ещё в Абердине! Это здорово! Конечно, мы русские моряки, и нам нужна помощь. Мы ничего не петрим в ваших ценах.

– Петрим? – переспросила Кэтти.

– Ну, да! Не понимаем, дорого это или наоборот. Помогите нам, Катя.

– А как вас зовут?

– Меня – Боб. Это – Палыч, – указал он на меня, – а это наш старпом Валентин Сидорыч.

– Я так и думала...

– Что думала? – не понял наш молодой кок.

– Что тебя зовут Боб. А это твой отец? – кивнула она на старпома.

– Почему отец? – зычно захохотал названный сын.

– Это потому, что тебя «сынком» обозвал, – догадался старпом.

Мы все засмеялись.

– Ну, сынок, похоже, приглянулся ты этой англичанке. Глаз с тебя не сводит.

– Да и Боб, гляди, зацвёл, – сказал я на ухо старпому.

Боб с подачи Кэтти приобрёл себе плотный, рябой шотландский свитер, а я белые териленовые штаны, которые, как уверяла хозяйка магазина, никогда не мнутся. Она с остервенением мяла их в руках, но они всё равно принимали безупречную гладкую структуру.

– Штаны явно не для нашего климата, – сделал заключение старпом, – а в Рио-де-Жанейро у нас заходы не планируются.

– Зато практические, и летом хорошо, – заметила наша новая знакомая.

– Практичные, – поправил её Боб.

– Я русский знаю не идеально, – смутилась Кэтти.

– Нет-нет, – запротестовал наш повар, – что Вы! Если бы я знал так английский... Вы же говорите почти без акцента.

Мы всей компанией пошли по узкой, идущей вверх улице, и маленькая Кэтти стала объяснять нам то, о чём мы даже не догадывались:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.